

Дѣло корнета Елагина

I.

Ужасное дѣло это — дѣло странное, загадочное, неразрѣшимое. Съ одной стороны оно очень просто, а съ другой очень сложно, похоже на бульварный романъ, — такъ всѣ и называли его въ нашемъ городѣ,—и въ то же время могло бы послужить къ созданію глубокаго художественнаго произведенія... Вообще справедливо сказалъ на судѣ защитникъ:

— Въ этомъ дѣлѣ, сказалъ онъ въ началѣ своей рѣчи, нѣтъ какъ будто мѣста для спора между мной и представителемъ обвиненія: вѣдь подсудимый самъ призналъ себя виновнымъ, вѣдь его преступленіе и его личность, равно какъ и личность его жертвы, волю которой онъ будто бы изнасиловалъ, кажутся чуть ли не всѣмъ, въ этой залѣ присутствующимъ, не достойными особаго мудрствованія по ихъ якобы достаточной пустотѣ и обыденности. Но все это совсѣмъ не такъ, все это только одна видимость: спорить есть о чемъ, поводовъ для спора и размышленій очень много...

И далѣе:

— Допустимъ, что моя цѣль—добиться только снисхожденія подсудимому. Я бы могъ тогда сказать немногое. Законодатель не указалъ, чѣмъ именно должны судьи руководствоваться въ случаяхъ, подобныхъ нашему, онъ оставилъ большой просторъ ихъ разумѣнію, совѣсти и зоркости, которымъ и надлежитъ въ концѣ концовъ подобрать ту или иную рамку закона, наказующаго дѣяніе. И вотъ я и постарался бы воздѣйствовать на это разумѣніе, на со-

вѣсть, постарался бы выставить на первое мѣсто все лучшее, что есть въ подсудимомъ, и все, что смягчаетъ его вину, будиль бы въ судьяхъ чувства добрыя и дѣлалъ бы это тѣмъ настойчивѣе, что, вѣдь, онъ отрицаетъ лишь одно въ своемъ поступкѣ: сознательную злую волю. Однако, даже и въ этомъ случаѣ, могъ ли бы я избѣжать спора съ обвинителемъ, опредѣлившимъ преступника не болѣе не менѣе какъ «уголовнымъ волкомъ»? Во всякомъ дѣлѣ все можно воспринять по разному, все можно освѣтить такъ или иначе, представить по своему, на тотъ или иной ладъ. А что же мы видимъ въ нашемъ дѣлѣ? То, что нѣтъ, кажется, ни одной черты, ни одной подробности въ немъ, на которую бы мы съ обвинителемъ смотрѣли одинаково, которую мы могли бы передать, освѣтить въ согласіи: «все такъ, да не такъ!» — долженъ каждую минуту говорить я ему. Но что всего важнѣе, такъ это то, что «все не такъ» въ самой сути дѣла .

Ужасно и началось оно, это дѣло.

Было 19 июня прошлаго года. Было раннее утро, былъ шестой часъ, но въ столовой ротмистра лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лихарева было уже свѣтло, душно, сухо и жарко отъ лѣтняго городского солнца. Было однако еще тихо, тѣмъ болѣе, что квартира ротмистра находилась въ одномъ изъ корпусовъ гусарскихъ казармъ, расположенныхъ за городомъ. И пользуясь этой тишиной, а также и воей молодостью, ротмистръ крѣпко спалъ. На столѣ стояли ликеры, чашки съ недопитымъ кофеемъ. Въ сосѣдней комнатѣ, въ гостиной, спалъ другой офицеръ, штабъ-ротмистръ графъ Кошицъ, а еще дальше, въ кабинетѣ, корнетъ Сѣвскій. Утро было, словомъ, вполне обычное, картина простая, но, какъ всегда это бываетъ, когда среди обычнаго случается что-нибудь необычное, тѣмъ ужаснѣе, удивительнѣе и какъ будто неправдоподобнѣе было то, что внезапно случилось въ квартирѣ ротмистра Лихарева раннимъ утромъ 19 іюня. Неожиданно, среди полной тишины этого утра, въ прихожей звякнулъ звонокъ, потомъ

послышалось, какъ осторожно и легко, босикомъ, пробѣжалъ отворять деньщикъ, а затѣмъ раздался намѣренно громкій голосъ:

— Дома?

Съ тѣмъ же намѣреннымъ шумомъ и вошелъ пришедшій, особенно свободно распахнувъ дверь въ столовую, особенно смѣло стуча сапогами и звеня шпорами. Ротмистръ поднялъ изумленное и заспанное лицо: передъ нимъ стоялъ его товарищъ по полку, корнетъ Елагинъ, человекъ маленькій, шуплый, рыжеватый и веснучатый, на кривыхъ и необыкновенно тонкихъ ногахъ, обутый съ тѣмъ щегольствомъ, которое было, какъ онъ любилъ говорить, его «главной» слабостью. Онъ быстро снялъ съ себя лѣтнюю шинель и, бросивъ ее на стулъ, громко сказалъ: «Вотъ вамъ мои погоны!» А затѣмъ прошелъ къ дивану, стоявшему возлѣ противоположной стѣны, повалился на него спиной и закинулъ руки за голову.

— Постой, постой, — пробормоталъ ротмистръ, слѣдя за нимъ вытаращенными глазами: — откуда ты, что съ тобой?

— Я убилъ Маню, — сказалъ Елагинъ.

— Ты пьянъ? Какую Маню? — спросилъ ротмистръ.

— Артистку Марию Юсифовну Сосновскую.

Ротмистръ спустилъ ноги съ дивана:

— Да ты что, шутишь?

— Увы, къ сожалѣнiю, а можетъ, и къ счастью, ни чуть.

— Кто это тамъ? Что случилось? — крикнулъ графъ изъ гостиной.

Елагинъ потянулся и легкимъ ударомъ ноги въ дверь распахнулъ ее.

— Не ори, — сказалъ онъ. — Это я, Елагинъ. Я застрѣлилъ Маню.

— Что? — сказалъ графъ и, мгновенiе помолчавъ, вдругъ захохоталъ: — А, вотъ оно что! — закричалъ онъ

весело. — Ну, чортъ съ тобой, на этотъ разъ прощается. Хорошо, что разбудиль, а то бы непременно проспали, вчера опять до трехъ забавлялись.

— Даю тебѣ слово, что убиль, — настойчиво повторилъ Елагинъ.

— Врешь, братецъ, врешь! — закричалъ и хозяинъ, берясь за носки. — А я уже было испугался, не случилось ли чего на самомъ дѣлѣ... Ефремъ, чаю!

Елагинъ полѣзъ въ карманъ штановъ, вытащилъ изъ него небольшой ключикъ и, черезъ плечо ловко бросивъ его на столъ, сказалъ:

— Ступайте посмотрите сами...

На судѣ прокуроръ много говорилъ о цинизмѣ и ужасѣ нѣкоторыхъ сценъ, составляющихъ драму Елагина, не разъ упиралъ и на эту сцену. Онъ забылъ, что въ это утро ротмистръ Лихаревъ только въ первую минуту не замѣтилъ «сверхъестественной», какъ онъ выразился, блѣдности Елагина и чего-то «нечеловѣческаго» въ его глазахъ, а ватѣмъ былъ «просто пораженъ и тѣмъ, и другимъ»...

II.

Итакъ, вотъ что произошло утромъ 19 іюня прошлаго года.

Черезъ полчала графъ Кошицъ и корнетъ Сѣвскій уже стояли на подъѣздѣ того дома, гдѣ жила Сосновская. Теперь имъ было больше не до шутокъ.

Извозчика они чуть не загнали, изъ пролетки выскочили опретью, совали ключъ въ замочную скважину и звонили отчаянно, но ключъ не подходилъ и за дверями была тишина. Потерявъ терпѣніе, быстро пошли во дворъ, стали искать дворника. Дворникъ побѣжалъ съ чернаго хода на кухню и, возвратясь, сказалъ, что Сосновская, по словамъ горничной, дома не ночевала, — уѣхала еще съ вече-

ра, захвативъ съ собой какой-то свертокъ. Графъ и корнетъ опѣшили: что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Подумавъ, пожавъ плечами, сѣли и поѣхали въ часть, взявъ съ собой дворника. Изъ части позвонили къ ротмистру Лихареву. Ротмистръ бѣшено крикнулъ въ телефонъ:

— Этотъ идиотъ, надъ которымъ я уже ревѣть готовъ, забылъ сказать, что нужно было ѣхать вовсе не на ея квартиру, а въ ихъ любовный притонъ: Староградская, 14. Слышите? Староградская, 14. Нѣчто вродѣ парижской гарсоньерки, входъ прямо съ улицы...

Поскакали на Староградскую .

Дворникъ сидѣлъ на козлахъ, околоточный, со сдержанной независимостью, сѣлъ въ пролетку, противъ офицеровъ. Было жарко, улицы были людны и шумны, и не вѣрилось, что въ такое солнечное и оживленное утро кто-то можетъ лежать гдѣ-то мертвымъ, и втупикъ ставила мысль, что это сдѣлалъ двадцатидвухлѣтній Сашка Елагинъ. Какъ онъ могъ на это рѣшиться? За что онъ ее убилъ, почему и какъ убилъ? Ничего нельзя было понять, вопросы оставались безъ всякаго отвѣта.

Когда наконецъ остановились возлѣ стараго и непривѣтливаго двухъэтажнаго дома на Староградской, графъ и корнетъ, по ихъ словамъ, «совсѣмъ пали духомъ». Неужели это здѣсь и неужели это нужно видѣть, хотя и тянетъ видѣть и такъ неодолимо тянетъ? Зато околоточный сразу почувствовалъ себя строгимъ, бодрымъ и увѣреннымъ.

— Позвольте ключъ, — сухо и твердо сказалъ онъ, и офицеры заторопились отдать ему ключъ съ той-же робостью, какъ сдѣлалъ бы это дворникъ.

Посрединѣ дома были ворота, за воротами виднѣлся небольшой дворъ и деревцо, зелень котораго была какъ-то противоестественно ярка или казалась такой отъ темносѣрыхъ каменныхъ стѣнъ. А вправо отъ воротъ и находилась та самая таинственная дверь, выходившая прямо на улицу, которую нужно было отворить. И вотъ околоточ-

ный, нахмурившись, всунулъ ключъ, и дверь отворилась, и графъ съ корнетомъ увидали что-то вродѣ совершенно темнаго коридора. Околоточный, точно чутьемъ угадавъ, гдѣ надо искать, протянулъ впередъ руку, шаркнулъ ею по стѣнѣ и освѣтилъ узкое и мрачное помѣщеніе, въ глубинѣ котораго, между двухъ кресель, стоялъ столикъ, а на немъ тарелки съ остатками дичи и фруктовъ. Но еще мрачнѣе было то, что представилось глазамъ вошедшихъ дальѣе. Въ правой стѣнѣ коридора оказался небольшой входъ въ сосѣдную комнату, тоже совершенно темную, могильно озаренную опаловымъ фонарикомъ, висѣвшимъ подъ потолкомъ, подъ громаднымъ зонтомъ изъ чернаго шелка. Чѣмъ-то чернымъ были затянута сверху до низу и всѣ стѣны этой комнаты, совсѣмъ глухой, лишенной оконъ. Тутъ, тоже въ глубинѣ, стоялъ большой и низкій турецкій диванъ, а на немъ, въ одной сорочкѣ, съ полуоткрытыми глазами и губами, съ поникшей на грудь головой, съ вытянутыми конечностями, съ немного раздвинутыми ногами, лежала, бѣлѣла молоденькая женщина рѣдкой красоты.

И вошедше остановились и на мгновеніе оцѣлѣнѣли отъ страха и удивленія.

III.

Рѣдкой красота покойной была потому, что она на рѣдкость удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя ставятъ себѣ, на примѣръ, модные художники, изображающіе идеально хорошенькихъ женщинъ. Тутъ было все, что полагается: прекрасное сложеніе, прекрасный тонъ тѣла, маленькая и безъ единого изъяна нога, дѣтская, простодушная прелесть губъ, небольшія и правильныя черты лица, чудесныя волосы... И все это теперь было уже мертво, все стало каменѣть, блекнуть, и красота дѣлала мертвую еще страшнѣе. Волосы ея были въ полномъ порядкѣ, прическа такова, что хоть на балъ. Голова лежала на приподнятой

диванной подушкѣ и подбородокъ слегка касался груди, что давало ея остановившимся, полуоткрытымъ глазамъ и всему ея лицу какъ бы нѣсколько озадаченное выраженіе. И все это странно озарялъ опаловый фонарикъ, висѣвшій подѣ потолкомъ, въ днѣ огромнаго чернаго зонта, похожаго на какую-то хищную птицу, распростершую надъ мертвой свои перепончатыя крылья.

Въ общемъ картина поразила даже околоточнаго. Затѣмъ всѣ несмѣло перешли къ болѣе подробному осмотру ея.

Прекрасныя обнаженныя руки покойной были ровно вытянуты вдоль тѣла. На груди ея, на кружевахъ рубашки, лежали двѣ визитныхъ карточки Елагина, а у ногъ гусарская сабля, казавшаяся очень грубой рядомъ съ ихъ женственной наготой. Графъ хотѣлъ было взять ея, чтобы вынуть изъ ноженъ, съ нелѣпой мыслью, нѣтъ ли на ней слѣдовъ крови. Околоточный удержалъ его отъ этого незаконнаго поступка.

— Ахъ, конечно, конечно, — шопотомъ пробормоталъ графъ, — трогать, конечно, пока ничего нельзя. Но меня удивляетъ то, что я нигдѣ не вижу ни крови, ни вообще слѣдовъ преступленія. Очевидно, отравленіе?

— Имѣйте терпѣніе, — наставительно сказалъ околоточный, — подождемъ слѣдователя и доктора. Но несомнѣнно, похоже и на отравленіе...

И точно, было похоже. Крови нигдѣ не было, — ни на полу, ни на диванѣ, ни на тѣлѣ, ни на сорочкѣ покойницы. На креслѣ возлѣ дивана лежали женскіе панталоны и пеньюаръ, подѣ ними голубая съ перловымъ отливомъ рубашечка, юбка изъ очень хорошей темно-сѣрой матеріи и шелковое сѣрое манто. Все это было брошено на диванъ какъ попало, но тоже не замазано ни одной каплей крови. Мысль объ отравленіи подтверждало еще то, что оказалось на выступѣ стѣны надъ диваномъ: на этомъ выступѣ, среди шампанскихъ бутылокъ и пробокъ, огарковъ и женскихъ шпилекъ, среди исписанныхъ и изорванныхъ клоч-

ковъ бумаги, стоялъ стаканъ съ недопитымъ портеромъ и небольшая склянка, на бѣломъ ярлыкѣ которой зловѣще чернѣло: «Op. Pulv.»

Но какъ разъ въ ту минуту, когда околоточный, графъ и корнетъ поочередно перечитывали эти латинскія слова, на улицѣ послышался шумъ подъѣхавшаго экипажа съ докторомъ и слѣдователемъ, и черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что Елагинъ говорилъ правду: Сосновская въ самомъ дѣлѣ была убита изъ револьвера. Кровавыхъ пятенъ на сорочкѣ не было. Но зато подъ сорочкой обнаружили въ области сердца багровое пятно, а посрединѣ пятна круглую, съ обожженными краями ранку, изъ которой сочилась жидкая темная кровь, ничего не испачкавшая вслѣдствіе того, что ранка была прикрыта комкомъ носового платка...

Что еще установила врачебная экспертиза? Немногое: то, что въ правомъ легкомъ покойной есть слѣды туберкулеза; что выстрѣлъ былъ произведенъ въ упоръ и что смерть наступила мгновенно, хотя покойная все таки могла послѣ выстрѣла произнести короткую фразу; что борьбы между убійцей и его жертвой не было; что она пила шампанское и приняла вмѣстѣ съ портеромъ небольшое (недостаточное для отравленія) количество опія; и наконецъ, то, что она имѣла въ эту роковую ночь сношеніе съ мужчиной...

Но почему, за что убилъ ее этотъ мужчина? Елагинъ упорно твердилъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ: потому, что оба они — и онъ самъ, и Сосновская — были «въ трагическомъ положеніи», что они не видѣли иного выхода изъ него, кромѣ смерти, и, что, убивая Сосновскую, онъ лишь исполнилъ ея приказаніе. Однако, этому какъ будто совершенно противорѣчили предсмертныя записки покойной. Въдъ на ея груди нашли двѣ его визитныхъ карточки, исписанныхъ ея рукой по-польски (и, кстати сказать, довольно безграмотно). На одной стояло:

— et inveniendi omnia quae sunt in mundo. —

атра. Пріятель мой! Благодарю тебя за благородную дружбу нѣсколькихъ лѣтъ... Шлю послѣдній привѣтъ и прошу выдать моей матери всѣ деньги за мои послѣдніе расходы...

На другой:

— Человѣкъ этотъ поступилъ справедливо, убивая меня... Мать, бѣдная, несчастная! Не прошу прощенія, такъ какъ умираю не по собственной волѣ... Мать! Мы увидимся... тамъ, наверху... Чувствую — это послѣдній моментъ...

На такихъ же карточкахъ писала Сосновская и другія предсмертныя свои записки. Онѣ валялись на выступѣ стѣны и были тщательно изорваны. Ихъ сложили, склеили и прочли слѣдующее :

— Человѣкъ этотъ требуетъ моей и своей смерти... Живой мнѣ не выйти...

— Итакъ, настала моя послѣдняя часть... Боже, не оставь меня... Послѣдняя моя мысль — матери и святому искусству...

— Бездна, бездна! Человѣкъ этотъ мой рокъ... Боже, спаси, помоги...

И наконецъ самое загадочное:

— *Quand même pour toujours...*

Всѣ эти записки, какъ тѣ, что найдены на груди покойной въ полной цѣлости, такъ и тѣ, что найдены на выступѣ стѣны въ клочкахъ, какъ будто противорѣчили увѣреніямъ Елагина. Но именно только «какъ будто». Почему были не изорваны тѣ двѣ визитныхъ карточки, что лежали на груди Сосновской и на одной изъ которыхъ стояли такія роковыя для Елагина слова, какъ «умираю не по собственной волѣ»? Елагинъ не только не изорвалъ и не унесъ ихъ съ собой, но даже самъ (потому что кто-же иной могъ это сдѣлать?) положилъ ихъ на самое видное мѣсто. Онъ не изорвалъ ихъ впопыхахъ? Впопыхахъ онъ, конечно, могъ забыть изорвать ихъ. Но какъ же онъ могъ впопыхахъ положить на грудь покойной столь опасныя для него записки? И былъ-ли онъ вообще впопыхахъ?

Нѣтъ, онъ привелъ мертвую въ порядокъ, прикрылъ ее сорочкой, предварительно заложивъ ей рану платкомъ, потомъ самъ прибирался, одѣвался... Нѣтъ, тутъ прокуроръ былъ правъ: это дѣлалось не впопыхахъ.

IV.

Прокуроръ говорилъ:

— Есть два разряда преступниковъ. Во-первыхъ, преступники случайные, злодѣяніе которыхъ есть плодъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ и раздраженія, научно называемаго «короткимъ безуміемъ». И во-вторыхъ, преступники, совершающіе то, что они совершаютъ, по злomu и преднамѣренному умыслу: это прирожденные враги общества и общественнаго порядка, это — уголовные волки. Къ какому-же разряду причислимъ мы человѣка, сидящаго передъ нами на скамьѣ подсудимыхъ? Конечно, ко второму. Онъ несомнѣнно уголовный волкъ, онъ совершилъ преступленіе потому, что озвѣрѣлъ отъ праздной и разнузданной жизни...

Эта тирада была необыкновенно странна (хотя и выражала почти общее мнѣніе нашего города на счетъ Елагина) и странна тѣмъ болѣе, что на судѣ Елагинъ все время сидѣлъ, опершись на руку, закрываясь ею отъ публики, и на всѣ вопросы отвѣчалъ тихо, отрывисто и съ какой-то душу раздражающей робостью и печалью. И однако былъ прокуроръ и правъ: на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ преступникъ никакъ не обычный и пораженный вовсе не «короткимъ безуміемъ».

Прокуроръ поставилъ два вопроса: во-первыхъ, разумѣется, совершено-ли преступленіе въ состояніи аффекта, то есть раздраженія, и, во-вторыхъ, было-ли оно только невольнымъ пособничествомъ къ убійству, — и отвѣтилъ на оба вопроса съ полной увѣренностью: нѣтъ и нѣтъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, отвѣчая на первый вопросъ: ни о какомъ аффектѣ не можетъ быть и рѣчи и прежде всего

потому, что аффекты не длятся по нѣскольکو часовъ. Да и что могло вызвать аффектъ Елагина?

Для рѣшенія послѣдняго вопроса прокуроръ задавалъ себѣ множество мелкихъ вопросовъ и тотчасъ-же отвергалъ или даже высмѣивалъ ихъ. Онъ говорилъ:

— Не пилъ-ли Елагинъ въ роковой день больше обыкновеннаго? Нѣтъ, онъ вообще много пилъ, въ этотъ-же день не больше обыкновеннаго.

— Здоровый ли человекъ былъ и есть подсудимый? Присоединяюсь къ мнѣнію врачей, его изслѣдовавшихъ: вполне здоровый; но совершенно не привыкшій себя обзывать.

— Не вызванъ-ли былъ аффектъ невозможностью брака между нимъ и любимой имъ женщиной, если только допустить, что онъ дѣйствительно любилъ ее? Нѣтъ, потому что мы точно знаемъ: подсудимый и не заботился, не предпринималъ рѣшительно никакихъ шаговъ къ устройству этого брака.

И далѣе:

— Не привелъ ли его въ аффектъ предполагаемый отъѣздъ Сосновской за границу? Нѣтъ, потому что онъ давно зналъ объ этомъ отъѣздѣ.

— Но тогда, можетъ быть, привела его въ аффектъ мысль о разрывѣ съ Сосновской, о разрывѣ, который явится слѣдствіемъ отъѣзда? Опять нѣтъ, потому что о разрывѣ они говорили и до этой ночи тысячу разъ. А если такъ, что-же наконецъ? Разговоры о смерти? Странная обстановка комнаты, ея, такъ сказать, навожденіе, ея гнетъ, равно какъ и вообще гнетъ всей этой болѣзненной и жуткой ночи? Но что до разговоровъ о смерти, то они никакъ не могли быть новостью для Елагина: эти разговоры шли между нимъ и его возлюбленной непрестанно и, конечно, уже давнымъ давно пріѣлись ему. А про навожденіе просто смѣшно говорить. Оно вѣдь весьма умѣрялось вещами весьма прозаическими: ужиномъ, остатками этого ужина на столѣ, бутылками и даже, простите, ноч-

ной посудой... Елагинъ ѣлъ, пилъ, отправлялъ свои естественныя потребности, выходилъ въ другую комнату то за виномъ, то за ножомъ, чтобы очинить карандашъ...

И прокуроръ заключилъ такъ:

— Что же до того, было-ли убійство, совершенное Елагинымъ, исполненіемъ воли покойной, то тутъ долго разсуждать не приходится: у насъ для рѣшенія этого вопроса есть голословныя увѣренія Елагина, что Сосновская сама просила убить ее, — и совершенно роковая для него записка Сосновской: «Умираю не по собственной волѣ»...

V.

Многое можно было возразить на частности въ рѣчи прокурора. «Подсудимый человѣкъ вполне здоровый»... Но гдѣ граница здоровья и нездоровья, нормальности или ненормальности? «Онъ не предпринималъ никакихъ шаговъ къ устройству брака...» Но вѣдь, во-первыхъ, не предпринималъ онъ этихъ шаговъ только потому, что совершенно твердо былъ убѣжденъ въ полной безцѣльности ихъ; а во-вторыхъ, неужели любовь и бракъ такъ ужъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, и Елагинъ успокоился бы и вообще всячески разрѣшилъ бы драму своей любви, сбѣжавшись съ Сосновской? Неужели неизвѣстно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совѣтъ обычной любви даже какъ бы избѣгать брака?

Но все это, повторяю, частности. А въ основномъ прокуроръ былъ правъ: аффекта не было

Онъ говорилъ:

— Врачебная экспертиза пришла къ заключенію, что Елагинъ былъ «скорѣе» въ спокойномъ, чѣмъ аффективномъ состояніи; а я утверждаю, что не только въ спокойномъ, но удивительно спокойномъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ осмотръ прибранной комнаты, гдѣ совершено преступленіе, и гдѣ Елагинъ оставался еще долго послѣ него. Затѣмъ — показаніе свидѣтеля Ярошенко, видѣвшаго, съ

какимъ спокойствіемъ вышелъ Елагинъ изъ квартиры на Староградской и какъ тщательно, не торопясь, залеръ онъ ее на ключъ. И наконецъ — поведеніе Елагина у ротмистра Лихарева. Что, напримѣръ, сказалъ Елагинъ корнету Сѣвскому, который убѣждалъ его «опомниться», вспомнить, не застрѣлилась ли Сосновская сама? Онъ сказалъ: «Нѣтъ, братъ, я все отлично помню!» — и тутъ же описалъ, какъ именно онъ произвелъ выстрѣлъ. Свидѣтеля Будберга «даже неприятно поразилъ Елагинъ — онъ, послѣ своего признанія, хладнокровно пилъ чай». А свидѣтель Фохтъ былъ пораженъ еще болѣе: «Господинъ штабъ-ротмистръ, иронически сказалъ ему Елагинъ, я надѣюсь, что вы сегодня уволите меня отъ ученія. — Это было такъ страшно, говоритъ Фохтъ, что корнетъ Сѣвскій не выдержалъ и зарыдалъ»... Правда, была минута, когда зарыдалъ и Елагинъ: это когда ротмистръ вернулся отъ командира полка, къ которому онъ ходилъ за приказаніями на счетъ Елагина, и когда Елагинъ понялъ по лицамъ Лихарева и Фохта, что онъ, въ сущности, больше уже не офицеръ. Вотъ въ это то время онъ и зарыдалъ, — закончилъ прокуроръ: — только въ это время!

Конечно, послѣдняя фраза опять очень странна. Кому неизвѣстно, какъ часто происходитъ подобное внезапное пробужденіе отъ столбняка въ горѣ, въ несчастіи даже отъ чего-нибудь совершенно незначительнаго, отъ чего-нибудь случайно попавшагося на глаза и вдругъ напомнившаго человѣку всю его прежнюю, счастливую жизнь и всю безнадежность, весь ужасъ его теперешняго положенія? А вѣдь Елагину напомнило все это вовсе не что-нибудь незначительное, случайное. Вѣдь онъ какъ бы и родился офицеромъ, — десять поколѣній его предковъ служили. И вотъ онъ ужъ не офицеръ. И мало того, что не офицеръ, — не офицеръ онъ потому, что нѣтъ уже въ мірѣ той, которую онъ любилъ истинно больше своей жизни, и онъ самъ, самъ сдѣлалъ это чудовищное дѣло!

Впрочемъ, это тоже только подробности. Главное же

то, что «короткаго безумія» дѣйствительно не было. Но тогда что-же было? Прокуроръ призналъ, что «въ этомъ темномъ дѣлѣ все должно быть прежде всего сведено къ обсужденію характеровъ Елагина и Сосновской и къ выясненію ихъ отношеній». И онъ твердо заявилъ:

— Сошлись двѣ личности, ничего общаго между собой не имѣющія...

Такъ ли это? Вотъ въ этомъ то и весь вопросъ: такъ ли это?

VI.

О Елагинѣ я сказалъ бы прежде всего то, что ему двадцать два года: возрастъ роковой, время страшное, опредѣляющее челоуѣка на все его будущее. Обычно переживаетъ челоуѣкъ въ это время то, что медицински называется зрѣлостью пола, а въ жизни — первой любовью, которая разсматривается почти всегда только поэтически и въ общемъ весьма легкомысленно. Часто эта «первая любовь» сопровождается драмами, трагедіями, но совсѣмъ никто не думаетъ о томъ, что какъ разъ въ это время переживаютъ люди нѣчто гораздо болѣе глубокое, сложное, чѣмъ волненія, страданія, обычно называемыя обожаніемъ милаго существа: переживаютъ, сами того не вѣдая, жуткій расцвѣтъ, мучительное раскрытіе, первую мессу пола. И вотъ, будь я защитникомъ Елагина, я просилъ бы судей обратить вниманіе на его возрастъ именно съ этой точки зрѣнія и еще на то, что передъ нами сидѣлъ челоуѣкъ совсѣмъ незаурядный въ этомъ смыслѣ. «Молодой гусарь, ошатѣлый прожигатель жизни» — говорилъ прокуроръ, повторяя общее мнѣніе, и въ доказательство правоты своихъ словъ передалъ рассказъ одного свидѣтеля, артиста Лисовскаго: о томъ, какъ Елагинъ пришелъ однажды въ театръ днемъ, когда артисты сходились на репетицію, и какъ, увидавъ его, Сосновская отскочила въ сторону, за спину Лисовскаго, и

быстро сказала ему: «Дядя, заслони меня отъ него!» Я ее заслонилъ, рассказывалъ Лисовскій, и этотъ гусарикъ, налитый виномъ, вдругъ остановился и ошалѣлъ — стоять, разставивъ ноги, и смотреть, недоумѣвая: куда же это дѣлась Сосновская?

Вотъ именно такъ : ошалѣлый человѣкъ. Но только отъ чего ошалѣлый : ужели отъ « празднои, разнузданной жизни » ?

Происходить Елагинъ изъ родовой и богатой семьи, матери (которая была, замѣтьте, натурой весьма экзальтированной) онъ лишился очень рано, отъ отца, человѣка суроваго, строгаго, былъ прежде всего отдѣленъ тѣмъ страхомъ, въ которомъ онъ и росъ, и выросъ. Прокуроръ съ жестокой смѣлостью рисовалъ не только нравственный, но и физическій обликъ Елагина. И онъ сказалъ :

— Таковъ, господа, былъ нашъ герой въ живописномъ гусарскомъ нарядѣ. Но взгляните на него теперь. Теперь его уже ничто не скрашиваетъ ; передъ нами низкорослый и сутулый молодой человѣкъ съ бѣлобрысыми усиками и крайне неопредѣленнымъ, незначительнымъ выраженіемъ лица, въ своемъ черномъ сюртучкѣ весьма мало напоминающій Отелло, то есть, личность, по моему съ рѣзко выраженными дегенеративными особенностями, крайне не храбрый въ однихъ случаяхъ, — какъ, на примѣръ, въ отношеніи къ отцу, — и крайне дерзкій, не считающійся ни съ какими преградами въ другихъ, то есть, тогда, когда онъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ отцовскаго взгляда и вообще надѣется на безнаказанность . . .

Что-же, въ этой грубой характеристикѣ было много правды. Но я, слушая ее, во-первыхъ, не понималъ, какъ можно съ легкостью относиться ко всему тому страшно сложному и трагическому, чѣмъ часто отличаются люди съ рѣзко выраженной наследственностью, а во-вто-

рыхъ, все таки видѣлъ въ этой правдѣ только очень небольшую часть правды. Да, росъ Елагинъ въ трепетѣ передъ отцомъ. Но трепеть не есть трусость, и особенно передъ родителями, да еще у человѣка, которому дано глубокое чувство всего того наслѣдства, которое связываетъ его со всѣми его отцами, дѣдами и прадѣдами. Да, наружность Елагина не есть классическая наружность гусара, но и въ этомъ я вижу одно изъ доказательствъ незаурядности его натуры : взгляните, сказалъ бы я прокурору, непристальнѣе въ этого рыжеватаго, сутулаго и тонконогаго человѣка, и вы почти со страхомъ увидите, какъ далеко отъ незначительности его веснучатое лицо съ маленькими и зеленоватыми (избѣгающими глядѣть на васъ) глазами. И потомъ, обратите вниманіе на его дегенеративную силу : въ день убійства онъ былъ на ученіи, — съ ранняго утра, конечно, — и выпилъ за завтракомъ шесть рюмокъ водки, бутылку шампанскаго, двѣ рюмки коньяку и остался при этомъ почти совершенно трезвымъ !

VII.

Въ большомъ противорѣчій съ общимъ низкимъ мнѣніемъ о Елагинѣ стояли и показанія многихъ его полковыхъ товарищей. Всѣ они отзывались о немъ самымъ лучшимъ образомъ. Вотъ каково, на примѣръ, было мнѣніе о немъ эскадроннаго командира :

— Вступивъ въ полкъ, Елагинъ замѣчательно хорошо поставилъ себя среди офицеровъ и всегда былъ чрезвычайно добръ, заботливъ, справедливъ и къ нижнимъ чинамъ. Характеръ его, по моему, отличался только однимъ: неровностью, которая выражалась, однако, не въ чемъ-нибудь непріятномъ, а только въ частыхъ и быстрыхъ переходахъ отъ веселости къ меланхоліи, отъ разговорчивости къ молчаливости, отъ увѣренности въ себѣ къ

безнадежности на счетъ своихъ достоинствъ и вообще всей своей судьбы...

Затѣмъ мнѣніе ротмистра Лихарева :

— Елагинъ всегда былъ добрымъ и хорошимъ товарищемъ, только со странностями : то бывалъ онъ скромнень и застѣнчиво скрытенъ, то впадалъ какъ бы въ нѣкоторую безшабашность, браваду... Послѣ того, какъ онъ пришелъ ко мнѣ съ признаніемъ объ убійствѣ Сосновской, и Сѣвскій съ Кошицемъ поскакали на Староградскую, онъ то страстно плакалъ, то ѣдко и буйно смѣялся, а когда его арестовали и везли въ заключеніе, съ дикой улыбкой совѣтовался съ нами, у какого портного заказать себѣ штатское платье...

Затѣмъ — графа Кошица :

— Елагинъ былъ человѣкъ, въ общемъ, нрава вселаго и нѣжнаго, нервный, впечатлительный, склонный даже къ восторженности. Особенно дѣйствовали на него театръ и музыка, часто доводившая его до слезъ ; да онъ и самъ былъ необыкновенно способенъ къ музыкѣ : онъ игралъ чуть не на всѣхъ инструментахъ

Приблизительно то-же сказали и всѣ прочіе свидѣтели :

— Человѣкъ очень увлекающійся, но какъ будто всегда ожидавшій чего-то настоящаго, необыкновеннаго.....

— На товарищескихъ пирушкахъ чаще всего бывалъ веселъ и какъ-то мило надоѣдливъ, шампанскаго требовалъ больше всѣхъ и угощалъ имъ кого понало... Вступивъ въ связь съ Сосновской, чувства къ которой онъ всегда чрезвычайно старался скрыть отъ всѣхъ, очень измѣнился : часто бывалъ задумчивъ, печаленъ, говорилъ, что утверждается въ намѣреніи покончить съ собой...

Таковы свѣдѣнія о Елагинѣ, исходившія отъ лицъ жившихъ съ нимъ въ наибольшей близости. Откуда же, думалъ я, сидя на судѣ, взялъ прокуроръ столь черныя

краски для его портрета ? Или у него есть свѣдѣнія какія нибудь другія ? Нѣтъ, у него ихъ нѣтъ. И остается предположить, что къ этимъ чернымъ краскамъ побудили его общія представленія о «золотой молодежи» и то, что онъ узналъ изъ единственнаго имѣвшагося въ распоряженіи суда письма Елагина къ одному своему другу въ Кишиневъ. Тутъ Елагинъ съ большой развязностью говорилъ о своей жизни :

— Дошелъ я, братъ, до какого-то безразличія : все все равно ! Нынче хорошо, ну, и слава Богу, а что завтра будетъ, — наплевать, утро вечера мудренѣе. Добился я репутаціи славной : первый пьяница и дуракъ чуть ли не во всемъ городѣ...

Такая самоощѣнка какъ-будто связывалась съ краснорѣчіемъ прокурора, говорившаго, что, «во имя животной борьбы за наслажденія, Елагинъ поставилъ женщину, все ему отдавшую, на судъ общества и лишилъ ее не только жизни, но даже послѣдней чести — христіанскаго погребенія...» Но связывалась-ли на самомъ дѣлѣ ? Нѣтъ, прокуроръ взялъ изъ этого письма только нѣсколько строкъ. Полностью-же оно было таково :

— Дорогой Сергѣй. Письмо твое получилъ и хотя поздно отвѣчаю, но что-жъ дѣлать ? Навѣрное ты, читая мое письмо, будешь думать : «Вотъ каракули, точно муха, полавшая въ чернила, напозала !» Ну, что-жъ, по черкъ, какъ говорятъ, есть, если не зеркало, то до извѣстной степени выраженіе характера. Я все тотъ-же лоботрясъ, какъ и былъ, а если хочешь, даже хуже, такъ какъ два года самостоятельной жизни и еще кое-что наложили свою печать. Есть, братъ, кое-что, чего и самъ Соломонъ премудрый не выразить ! А потому не удивляйся, если въ одинъ прекрасный день узнаешь, что я себя тараракнулъ. Я дошелъ, братъ, до какого-то безразличія : все все равно ! Нынче хорошо, ну, и слава Богу, а что завтра будетъ, наплевать, утро вечера мудренѣе. Добился я репутаціи славной : первый пьяница и дуракъ чуть-ли не во всемъ

городѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣришь-ли ? Чувствую иногда въ душѣ такую силу и муку и влеченіе ко всему хорошему, высокому, вообще, чортъ его знаетъ, къ чему, что грудь ломить. Ты скажешь, что это еще юность : такъ отчего-же мои сверстники ничего подобнаго не ощущаютъ ? Я сталъ страшно нервный : иногда зимой, ночью, въ метель, въ холодъ, вскочивъ съ постели, летаю верхомъ по улицамъ, изумляя даже городскихъ, которые привыкли ничему не удивляться — и замѣть, вполне трезвый и не съ перепоя. Хочу схватить какой-то неуправимый мотивъ, который какъ-будто гдѣ-то слышалъ, а его все нѣтъ и нѣтъ ! Что-жь, тебѣ-то признаюсь : я влюбился и совсѣмъ, совсѣмъ не въ такую, какими полоуъ весь городъ... Впрочемъ, довольно объ этомъ. Пиши мнѣ, пожалуйста, адресъ ты мой знаешь. Помнишь, какъ ты говорилъ ? «Россія, корнету Елагину...»

Поразительно : какъ можно было послѣ прочтенія хотя бы одного этого письма, говорить, что «сошлись личности, ничего общаго между собой не имѣющія» !

VIII

Сосновская была чистокровная полька. Была старше Елагина, — ей было двадцать восемь лѣтъ. Отецъ ея былъ незначительный чиновникъ, покончившій жизнь самоубійствомъ, когда ей было всего три года. Мать долго вдовѣла, потомъ опять вышла замужъ и опять за мелкаго чиновника и опять скоро стала вдовой. Какъ видите, семья Сосновской была довольно средняго порядка, — откуда же всѣ тѣ странныя душевныя черты, которыми Сосновская отличалась, и откуда та страсть къ сценѣ, которая, какъ мы знаемъ, очень рано обнаружилась въ ней ? Думаю, что ужъ конечно, не отъ воспитанія въ семьѣ и въ томъ частномъ пансіонѣ, гдѣ она училась. А училась она, кстати сказать, очень хорошо и въ свободное время много читала. И, читая, порою выписывала изъ книгъ мысли и изрѣ-

ченія, ей правившіяся, — конечно, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, такъ или иначе связывая ихъ съ собою, — и вообще дѣлала нѣкоторыя замѣтки, вела нѣчто вродѣ дневника, если только можно назвать дневникомъ клочки бумаги, до которыхъ она не дотрогивалась иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ и на которые беспорядочно изливала свои мечты и взгляды на жизнь, а то просто заносила счета прачки, портнихи и прочее въ этомъ родѣ. Что же именно выписывала она ?

— « Не родиться — первое счастье, второе же поскорѣе возвратиться къ небытію ». Чудная мысль !

— Свѣтъ скученъ, смертельно скученъ, а душа моя стремится къ чему-то необыкновенному . . .

— « Люди понимаютъ только тѣ страданія, отъ которыхъ умираютъ ». Мюссе.

— Нѣтъ, я никогда не выйду замужъ. Это всѣ говорятъ. Но я клянусь въ томъ Богомъ и смертью . . .

— Только любовь или смерть. — Но гдѣ же во вселенной найдется такой, чтобы я полюбила ? Такого нѣтъ, не можетъ быть ! А какъ же умереть, когда я, какъ бѣсноватая, люблю жизнь ?

— Страшнѣе, привлекательнѣй и загадочнѣй любви нѣтъ ничего ни на небѣ, ни на землѣ . . .

— Мать говоритъ, на примѣръ, чтобы я вышла изъ-за денегъ. Я, я, изъ-за денегъ ! Какое неземное слово любовь, сколько ада и прелести въ немъ, хоть я и никогда не любила !

— Весь міръ смотритъ на меня милліонами плотоядныхъ глазъ, какъ когда я бывала маленькая въ звѣринцѣ . . .

— « Быть человѣкомъ не стоитъ. Ангеломъ тоже. И ангелы возроптали и возстали на Бога. Стоитъ быть Богомъ или ничтожествомъ ». Красинскій.

— « Кто можетъ похвалиться, что проникъ въ ея душу, когда всѣ усилія ея жизни направлены къ сокрытію глубины ея души ? » Мюссе.

Кончивъ курсъ въ пансіонѣ, Сосновская тотчасъ же заявила матери, что она рѣшила посвятить себя искусству. Мать, добрая католичка, сперва, конечно, и слышать не хотѣла о томъ, что бы ея дочь стала актрисой. Однако дочь была совсѣмъ не такова, чтобы покоряться кому бы то ни было, да уже и раньше успѣла внушить матери, что ея жизнь, жизнь Маріи Сосновской, никакъ не можетъ быть обыкновенной и безславной.

Восемнадцати лѣтъ она уѣхала во Львовъ и быстро осуществила свои мечты : и на сцену попала безъ всякихъ затрудненій, и вскорѣ выдѣлилась на ней. Вскорѣ она приобрѣла извѣстность и среди публики, и въ театральномъ мірѣ на столько серьезную, что на третій годъ службы получила приглашеніе въ нашъ городъ. Однако и во Львовѣ заносила она въ свою записную книжечку приблизительно то же, что и раньше :

— « Объ ней всѣ говорятъ, надъ ней плачутъ и смѣются, но кто же знаетъ ее ? » Мюссе.

— Если бы не мать, я убила бы себя. Это мое постоянное желаніе . . .

— Когда я выѣду куда-нибудь за городъ, увижу небо, такое прекрасное и бездонное, я не знаю, что тогда со мной происходитъ. Я хочу кричать, пѣть, декламировать, плакать . . . полюбить и умереть . . .

— Я изберу себѣ прекрасную смерть. Я найму маленькую комнату, велю обить ее траурной матеріей. Музыка должна играть за стѣной, а я лягу въ скромномъ бѣломъ платьѣ и окружу себя безчисленными цвѣтами, запахъ которыхъ и убьетъ меня. О, какъ это будетъ дивно !

И дальше :

— Всѣ, всѣ требуютъ моего тѣла, а не души . . .

— Если бы я была богата, я объѣхала бы весь свѣтъ и любила бы по всему земному шару . . .

— « Знаетъ ли человѣкъ, чего онъ хочетъ ? Увѣренъ ли въ томъ, что онъ думаетъ ? » Красинскій.

И наконецъ :

— Негодяй !

Кто былъ этотъ негодяй, сдѣлавшій, конечно, то, о чемъ такъ не трудно догадаться ? Известно только то, что онъ былъ и не могъ не быть. « Уже во Львовѣ, сказала свидѣтельница Заузе, львовскій сослуживецъ Сосновской, она не одѣвалась, а скорѣе раздѣвалась для сцены, принимала же у себя всѣхъ своихъ знакомыхъ и поклонниковъ въ прозрачномъ ленюарѣ, съ голыми ногами. Красота ихъ повергала всѣхъ и особенно новичковъ въ восторженное изумленіе. А она говорила: « Вы не удивляйтесь, это мои собственныя » — и показывала ноги выше колѣнъ. Въ то-же время она не переставала твердить мнѣ, — часто со слезами, — что нѣтъ никого достойнаго ея любви и что ея единственная надежда — смерть...

И вотъ явился «негодяй», съ которымъ она ѣздила въ Константинополь, въ Венецію, въ Парижъ и у котораго она бывала въ Краковѣ, въ Берлинѣ. Это былъ какой-то галиційскій помѣщикъ, человѣкъ чрезвычайно богатый. О немъ говорилъ свидѣтельница Вольскій, знавшій Сосновскую съ дѣтства:

— Я всегда считалъ Сосновскую женщиной очень низкаго нравственнаго уровня. Она не умѣла держать себя, какъ надо артисткѣ и обывательницѣ нашего края. Она любила только деньги, деньги и мужчинъ. Цинично, какъ она еще почти дѣвочкой продала себя старому кабану галиційскому!

Именно объ этомъ «кабанѣ» рассказывала Сосновская Елагину въ своей предсмертной бесѣдѣ. Тутъ она, роняя слова, жаловалась ему:

— Я росла одиноко, за мной никто не смотрѣлъ. Я была въ своей семьѣ да и во всемъ мѣрѣ всѣмъ чужая... Одна женщина, — да будетъ проклято ея потомство! — развращала меня, довѣрчивую, чистую дѣвочку... А во Львовѣ я искренне полюбила одного человѣка, какъ отца, который

оказался такой негодяй, такой негодяй, что я вспомнить не могу о немъ безъ ужаса! И онъ приучилъ меня къ гашишу, къ вину, онъ возилъ меня въ Константинополь, гдѣ у него былъ цѣлый гаремъ, онъ лежалъ въ этомъ гаремѣ, смотря на своихъ голыхъ рабынь, и заставлялъ раздѣваться и меня, подлый, низкій человѣкъ...

IX.

У насъ, въ нашемъ городѣ, Сосновская скоро стала притчей во языцѣхъ.

— Еще во Львовѣ, говорилъ свидѣтель Мѣшковъ, много предлагала она умереть за одну ночь съ ней и все твердила, что ищетъ сердце, способное любить. Она очень настойчиво искала это любящее сердце. А сама постоянно говорила: «Моя главная цѣль — жить и пользоваться жизнью. Купоръ долженъ пробовать всѣ вина и ни однимъ виномъ не упиваться. Такъ же должна поступать и женщина съ мужчинами». И такъ она и поступала, говорилъ Мѣшковъ. Совсѣмъ не увѣренъ, всѣ-ли вина она пробовала, но знаю, что окружила она себя огромнымъ количествомъ ихъ. Впрочемъ, можетъ быть, и это дѣлала она главнымъ образомъ для того, чтобы создавать вокругъ себя шумъ, приобретать себѣ клакеровъ для театра. «Деньги, говорила она, пустяки. Я жадна, порою скупа, какъ послѣдняя мѣщанка, но какъ то не думаю о деньгахъ. Главное — слава, все остальное будетъ». И о смерти она, по моему, постоянно толковала тоже только съ этой цѣлью: заставить говорить о себѣ...

То же самое, что и во Львовѣ, продолжалось и въ нашемъ городѣ. И почти такія же писались замѣтки:

-- Боже, какая тоска, какое томленіе! Хоть бы землетрясеніе, затменіе случилось!

— Тоска, мука! Ахъ жизнь, жизнь, когда-же кончится она?

— Какъ то вечеромъ я была на кладбищѣ: тамъ было такъ прекрасно! Мнѣ казалось... но нѣтъ, я не умѣю описать этого чувства. Мнѣ хотѣлось остаться на всю ночь, декламировать надъ могилами и умереть отъ изнеможенія. На другой день я играла такъ хорошо, какъ никогда...

И опять:

— Вчера я была на кладбищѣ въ десять часовъ вечера. Какое тяжелое зрѣлище! Луна обливала лучами надгробные камни и кресты. Мнѣ казалось, что я окружена тысячами мертвецовъ. Я же чувствовала себя такой счастливой, радостной! Мнѣ было очень хорошо...

А познакомившись съ Елагинымъ и узнавъ отъ него однажды, что въ полку умеръ вахмистръ, она потребовала, чтобы Елагинъ свезъ ее въ часовню, гдѣ лежалъ покойникъ, и записала, что видъ часовни и покойника при свѣтѣ луны произвелъ на нее «потрясающе-восторженное впечатлѣніе».

Жажда славы, людского вниманія перешла у нея въ это время просто въ изступленіе. Да, она была очень хороша собой. Красота ея была въ общемъ не оригинальна и все таки было въ ней какое-то особое, рѣдкое, не обычное очарованіе, какая-то смѣсь простодушія и невинности съ звѣринымъ лукавствомъ, а кромѣ того смѣсь постоянной игры съ искренностью: посмотрите на ея портреты, обратите вниманіе на взглядъ, ей особенно присущій,—взглядъ всегда немножко исподлбья, при постоянно чуть-чуть открытыхъ губкахъ, взглядъ грустный, чаще всего милый, призывный, что-то общающій, какъ бы соглашающійся на что-то тайное, порочное. И она умѣла пользоваться своей красотой. Со сцены она уловляла поклонниковъ не только тѣмъ, что на сценѣ она особенно умѣла расцвѣтать всѣми своими прелестями, звукомъ голоса и живостью движеній, смѣхомъ или слезами, но и тѣмъ, что чаще всего выступала въ роляхъ, гдѣ она могла показать свое тѣло. А дома она носила соблазнительныя восточ-

ныя и греческія одежды, въ которыхъ и принимала своихъ многочисленныхъ гостей, одну изъ своихъ комнатъ отвела, какъ она выражалась, специально для самоубійства, — тамъ были и револьверы, и кинжалы, и сабли въ видѣ серповъ и винтовъ, и склянки со всевозможными ядами, — а постояннымъ и любимѣйшимъ предметомъ разговоровъ сдѣлала смерть. Но мало того: часто, бесѣдуя о всяческихъ способахъ лишить себя жизни, она вдругъ хватала со стѣны заряженный револьверъ, взводила курокъ, приставляла дуло къ своему виску и говорила: «Скорѣ поцѣлуйте меня или я сію минуту выстрѣлю!» — а не то брала въ ротъ пилюлю со стрихниномъ и заявляла, что, если гость тотчасъ же не упадетъ на колѣни и не поцѣлуетъ ея босую ногу, она проглотитъ эту пилюлю. И все это она дѣлала и говорила такъ, что гость блѣднѣлъ отъ страха и уходилъ вдвойнѣ очарованный ею, по всему городу разнося о ней именно тѣ, всѣхъ волнующіе, слухи, которыхъ она такъ хотѣла...

— Вообще она сама собой почти никогда не бывала, говорилъ на судѣ свидѣтель Залѣсскій, очень близко и долго ее знавшій. Играть, дразнить — это было ея постоянное занятіе. Довести человѣка до бѣшенства нѣжными загадочными взглядами, многозначительными улыбками или грустнымъ вздохомъ беззащитнаго ребенка — на это она была великая мастерица. Такъ вела она себя и съ Елагинымъ. Она то распаяла его, то обдавала холодной водой... Хотѣла-ли она умереть? Но она плотоядно любила жизнь, смерти боялась необыкновенно. Вообще было въ ея натурѣ очень много жизнерадостности и веселости. Помню, какъ однажды прислалъ ей Елагинъ въ подарокъ шкуру бѣлаго медвѣдя. У нея въ это время было много гостей. А она всѣхъ забыла, — въ такой восторгъ привела ее эта шкура. Она раскинула ее по полу и, не обращая ни на кого вниманія, стала кувыркатся на ней черезъ голову, стала выкидывать такія штуки, что позавидовалъ бы любой акробатъ... Очаровательная была женщина!

Впрочемъ, тотъ же Залѣсскій рассказывалъ о томъ, что она страдала припадками тоски, отчаянія. Врачъ Сърошевскій, знавшій ее десять лѣтъ и лѣчившій ее еще до ея отъѣзда во Львовъ, — у нея начиналась тогда чахотка, — тоже показалъ, что въ послѣднее время она мучилась сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, потерей памяти и галлюцинаціями, такъ что онъ боялся за ея умственные способности. Отъ этого-же разстройства лечилъ ее и врачъ Шумахеръ, котораго она все увѣряла, что не умретъ своей смертью (и у котораго она однажды взяла два тома Шопенгауэра, «очень внимательно прочитанныхъ и, что всего удивительнѣй, прекрасно понятыхъ, какъ оказалось потомъ»). А врачъ Недзельскій далъ такое показаніе:

— Странная была женщина! Когда у нея бывали гости, она чаще всего была очень весела, кокетлива; но случалось — вдругъ ни съ того ни съ сего умолкнуть, закатить глаза, уронить голову на столъ... а не то начнетъ бросать, бить объ полъ стаканы, рюмки... Въ этихъ случаяхъ всегда можно поспѣшить попросить ее: ну, еще, еще, — и она тотчасъ-же прекращала это занятіе.

И вотъ съ этой то «странной и очаровательной женщиной» и встрѣтился наконецъ корнетъ Александръ Михайловичъ Елагинъ.

X.

Какъ произошла эта встрѣча? Какъ родилась между ними близость и каковы были ихъ чувства другъ къ другу, ихъ отношенія? Объ этомъ дважды рассказаль самъ Елагинъ: первый разъ, кратко и отрывочно, черезъ нѣсколько часовъ послѣ убійства, — слѣдовательно; второй разъ — на вопросахъ, происходившихъ три недѣли спустя послѣ перваго вопроса.

— Да, говорилъ онъ, я виновенъ въ лишеніи жизни Сосновской, *но по ея волю* . . .

— Я познакомился съ ней полтора года тому назадъ, въ кассѣ театра, черезъ поручика Будберга. Я горячо любилъ ее и думалъ, что и она раздѣляетъ мои чувства. Но я не всегда бывалъ увѣренъ въ этомъ. Порой мнѣ казалось, что она любитъ меня даже больше, чѣмъ я ее, а порой — наоборотъ. Кромѣ того, она постоянно была окружена поклонниками, кокетничала, и я мучился жестокой ревностью. Но въ концѣ концовъ все-таки не это составляло наше трагическое положеніе, а что-то другое, чего я не умѣю выразить... Во всякомъ случаѣ, клянусь, что я убилъ ее не изъ-за ревности...

— Я, говорю, познакомился съ ней въ февралѣ прошлаго года, въ театрѣ, возлѣ кассы. Я сдѣлалъ ей визитъ, но до октября я бывалъ у нея не чаще двухъ разъ въ мѣсяцъ и то всегда днемъ. Въ октябрѣ я признался ей въ своей любви, и она позволила мнѣ поцѣловать ее. Черезъ недѣлю послѣ того мы съ ней и съ моимъ товарищемъ Волошинымъ ѣздили ужинать въ загородный ресторанъ, возвращались же оттуда только вдвоемъ и, хотя она была весела, ласкова и слегка опьянена, я чувствовалъ такую робость передъ ней, что боялся поцѣловать ея руку. Затѣмъ она попросила у меня однажды Пушкина и, прочтя «Египетскія ночи», сказала: а вы рѣшились бы отдать жизнь за одну ночь съ любимой женщиной? И когда я поспѣшилъ отвѣтить, что да, она загадочно улыбнулась. Я уже очень любилъ ее и ясно видѣлъ и чувствовалъ, что это роковая для меня любовь. По мѣрѣ того, какъ мы сближались, я смѣлѣлъ, началъ говорить ей о своей любви все чаще, говорилъ, что чувствую, что гибну . . . ужъ хотя бы по одному тому, что отецъ никогда не позволитъ мнѣ жениться на ней, что жить ей со мной безъ брака невозможно, какъ артисткѣ, которой польское общество никогда не простило бы открытую незаконную связь съ рус-

скимъ офицеромъ. И она тоже жаловалась на свою судьбу, на свою странную душу, отъ отвѣта же на мои признанія, на мой безмолвный вопросъ, любить ли она меня, уклонялась, давая какъ будто мнѣ нѣкоторую надежду только этими жалобами и ихъ интимностью...

— Потомъ, съ января нынѣшняго года, я сталъ бывать у ней каждый день. Я посылалъ ей букеты въ театръ, посылалъ цвѣты на квартиру, дѣлалъ подарки... Подарилъ двѣ мандолины, шкуру бѣлаго медвѣдя, перстень и браслетъ съ брилліантами, рѣшилъ подарить брошку въ видѣ черепа. Она обожала эмблемы смерти и не разъ говорила мнѣ, что желала бы имѣть отъ меня именно такую брошку, съ надписью по французски: «*Quand même pour toujours!*»

— 26 марта этого года я получилъ отъ нея приглашеніе на ужинъ. Послѣ ужина она впервые отдалась мнѣ... въ комнатѣ, которую она называла японской. Въ этой же комнатѣ происходили и наши дальнѣйшія свиданія; служанку она отсылала послѣ ужина спать. А потомъ она дала мнѣ ключъ отъ своей спальни, наружная дверь которой выходила прямо на лѣстницу... Въ память 26 марта мы заказали себѣ обручальныя кольца, на внутренней сторонѣ которыхъ были вырѣзаны, по ея желанію, наши инициалы и дата нашей близости...

— Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ за городъ мы подошли въ деревнѣ къ кресту возлѣ костела и я поклялся ей передъ этимъ крестомъ въ своей вѣчной любви, сказалъ, что она моя жена передъ Богомъ и что я до могилы не измѣню ей. Она стояла грустная и задумчивая и молчала. Потомъ сказала просто и твердо: «И я люблю тебя. *Quand même pour toujours!*»

— Помнится, еще передъ Рождествомъ прошлаго года я сказалъ ей, что вижу свое трагическое положеніе и лишу себя жизни. Она отвѣтила: если вы рѣшитесь на это, дайте мнѣ знать, — я приѣду нѣжно, нѣжно повидаться съ

вами въ послѣдній разъ. Что она хотѣла этимъ сказать? И особенно словомъ «нѣжно»? Такъ какъ она тотчасъ же послѣ этого сказала, что платоническая любовь между мужчиной и женщиной ей непонятна и кажется даже противоестественной, я понялъ ее такъ, что она отдалась бы мнѣ передъ моею смертию. Повторяю, разговоры о любви и о смерти шли между нами постоянно. Начались же они именно съ этого дня. И въ послѣдствіи она очень часто говорила о нашемъ общемъ самоубійствѣ. Я возражалъ, говорилъ, что ей не зачѣмъ умирать, что она не любитъ меня такъ, какъ я ее, что у нея есть слава, искусство. Она качала головой и только улыбалась...

— Въ началѣ мая, когда однажды я ужиналъ у нея, она достала опій въ порошокъ и сказала: «Какъ легко умереть! Стоитъ только подсыпать немного и готово!» И, всыпавъ порошокъ въ бокаль съ шампанскимъ, поднесла бокаль ко рту. Я вырвалъ его у нея изъ рукъ, вышлеснулъ вино въ каминь, а бокаль разбилъ о шпору. На другой день она сказала мнѣ: «Вмѣсто трагедіи вчера вышла комедія!» И прибавила: «Что-жъ мнѣ дѣлать, сама я не рѣшаюсь, ты тоже не можешь, не смѣешь... Какой позоръ!»

— И послѣ этого мы стали видѣться рѣже: она сказала, что принимать меня у себя по вечерамъ больше не можетъ. Почему? Я сходилъ съ ума, мучился ужасно. Но кромѣ того она измѣнилась ко мнѣ, стала холодна и насмѣшлива, принимала меня иногда такъ, точно мы были едва знакомы, и все издѣвалась надъ отсутствіемъ у меня характера... И вдругъ опять все измѣнилось. Она стала заѣзжать за мной для прогулокъ, стала заигрывать со мной, — можетъ быть, потому, что и я началъ усваивать себѣ холодную сдержанность въ обращеніи съ нею... Наконецъ она сказала, чтобы я нанялъ отдѣльную квартиру для нашихъ свиданій, но такую, чтобы она была на глухой улицѣ, въ какомъ-нибудь сумрачномъ, старомъ домѣ, была бы совершенно темной и отдѣлана такъ, какъ она

мнѣ прикажетъ... Вы знаете, какъ именно была убрана эта квартира...

— И вотъ, 16 июня я зашелъ къ ней въ четыре часа и сказалъ, что квартира готова, и передалъ ей одинъ изъ ключей. Она улыбнулась и, возвращая мнѣ ключъ, отвѣтила: «Поговоримъ объ этомъ послѣ». Въ то время раздался звонокъ, пришелъ нѣкто Шкляревичъ. Я поспѣшно спряталъ ключъ въ карманъ и заговорилъ о пустякахъ. Когда же мы уходили вмѣстѣ съ Шкляревичемъ, она въ прихожей громко сказала ему: «приходите въ понедѣльникъ» — мнѣ же шепнула: «приходи завтра въ четыре» — и шепнула такъ, что у меня закружилась голова...

— На другой день я былъ у ней ровно въ четыре часа. Каково же было мое удивленіе, когда кухарка, отворившая дверь, заявила мнѣ, что Сосновская не можетъ меня принять, и передала мнѣ ея письмо! Она писала, что чувствуетъ себя нездоровой, что она ѣдетъ къ матери на дачу, что «теперь уже поздно». Внѣ себя, я зашелъ въ первую попавшуюся кондитерскую и написалъ ей ужасное письмо, прося объяснить, что значить слово поздно, и отправилъ это письмо съ посыльнымъ. Но посыльный принесъ мнѣ мое письмо обратно — ея не оказалось дома. Тогда я рѣшилъ, что она хочетъ окончательно порвать со мной, и, возвратясь домой, написалъ ей новое письмо, рѣзко упрекая ее за всю ея игру со мной и прося возвратить мнѣ обручальное кольцо, которое для нея, вѣроятно, только шутка, а для меня самое дорогое въ жизни, то, что должно лечь со мной въ могилу: я хотѣлъ этимъ сказать, что между нами все кончено, и дать ей понять, что мнѣ остается только смерть. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я возвратилъ ей ея портретъ, всѣ ея письма и вещи, хранившіяся у меня: перчатки, шпильки, шляпку... Деньщикъ вернулся и сказалъ, что ея нѣтъ дома, и что онъ оставилъ письмо и посылку у дворника...

— Вечеромъ я поѣхалъ въ циркъ, встрѣтилъ тамъ Шкляревича, человѣка мнѣ мало знакомаго, и, боясь быть

одинъ, пилъ съ нимъ шампанское. Вдругъ Шкляревичъ сказалъ : «Послушайте, я вижу, что вы переживаете, и знаю причины этого. Повѣрьте мнѣ, что она не стоитъ того. Мы всѣ прошли черезъ это, она всѣхъ насъ водила за нось»... Мнѣ хотѣлось выхватить шашку и разрубить ему голову, но я былъ въ такомъ состоянїи, что не только не сдѣлалъ ничего подобнаго и не прервалъ этого разговора, а даже былъ втайнѣ радъ ему, радъ возможности хоть въ комъ нибудь найти сочувствіе. И не знаю, что со мной случилось: я, конечно, ни слова не проронилъ въ отвѣтъ ему, ни слова не сказалъ о Сосновской, но повезъ его на Староградскую и показалъ ему квартиру, которую я съ такой любовью выбиралъ для нашихъ свиданій. Мнѣ было такъ горько, такъ стыдно, что я такъ одураченъ съ этой квартирой...

— Оттуда я погналъ извозчика въ ресторанъ Невяровскаго ; шелъ небольшой дождь, извозчикъ летѣлъ, и мнѣ даже отъ этого дождя и отъ огня впереди было больно и страшно. Въ часъ ночи я вернулся съ Шкляревичемъ изъ ресторана домой и уже сталъ раздѣваться, какъ вдругъ деньщикъ подалъ мнѣ записку: она ждала меня на улицѣ, просила немедленно спуститься. Она прїѣхала съ горничной въ каретѣ и сказала мнѣ, что она такъ испугалась за меня, что не могла даже ѣхать одна, взяла горничную. Я приказалъ деньщику проводить горничную домой, а самъ сѣлъ къ ней въ карету, и мы поѣхали на Староградскую. Дорогой я упрекалъ ее, говорилъ, что она играетъ со мной. Она молчала и, глядя передъ собой, иногда вытирала слезы. Впрочемъ, она казалась спокойной. И такъ какъ ея состояніе обыкновенно всегда передавалось мнѣ, то и я сталъ успокаиваться. Когда мы прїѣхали, она совсѣмъ повеселѣла, — квартира ей очень понравилась. Я взялъ ея руку, просилъ прощенія за всѣ свои упреки, просилъ возвратить ея портретъ, то есть тотъ, который я въ раздраженїи отослалъ ей. У насъ часто бывали ссоры, и я всегда въ концѣ концовъ чувствовалъ себя виноватъ.

тымъ и всегда просилъ прошенія. Въ три часа ночи я повезъ ее домой. Дорогой нашъ разговоръ опять обострился. Она сидѣла, смотря передъ собою, я не видѣлъ ея лица, чувствовалъ только запахъ ея духовъ и ледяной, злой звукъ голоса: «Ты не мужчина, говорила она, у тебя нѣтъ никакого характера, я могу, когда угодно, и взбѣсить, и успокоить тебя. Будь я мужчина, я бы такую женщину изрѣзалъ на мелкіе кусочки!» Тогда я крикнулъ: «Въ такомъ случаѣ возьмите назадъ ваше кольцо!» — и насильно надѣлъ его ей на палецъ. Она повернулась ко мнѣ и, смущенно улыбаясь, сказала: «Приходи завтра». Я отвѣтилъ, что не приду ни въ какомъ случаѣ. Она неловко, робко стала меня просить, говорила: «Нѣтъ, ты придешь, придешь... на Староградскую»... И потомъ рѣшительно прибавила: «Нѣтъ, я умоляю тебя придти, я скоро уѣду за границу, я хочу видѣть тебя въ послѣдній разъ, главное, мнѣ нужно тебѣ сказать очень важную вещь». И опять заплакала и прибавила: «Я только удивляюсь — ты говоришь, что ты меня любишь, что безъ меня жить не можешь и застрѣлишься, а не хочешь меня видѣть въ послѣдній разъ»... Тогда я сказалъ, стараясь быть сдержаннымъ, что если такъ, то я завтра сообщу ей, въ которомъ часу буду свободенъ. Когда мы разстались у ея подъѣзда, подъ дождемъ, у меня сердце разрывалось отъ жалости и любви къ ней. Вернувшись домой, я съ удивленіемъ и отвращеніемъ засталъ у себя спящаго Шкляревича...

— Утромъ въ понедѣльникъ 18 іюня я послалъ ей записку, что я свободенъ съ двѣнадцати часовъ дня. Она отвѣтила: «Въ шесть, на Староградской»...

XI.

Антонина Кованько, горничная Сосновской, и ея кухарка, Ванда Линевицъ, показали, что въ субботу 16-го Сосновская, зажигая спиртовку, чтобы подвить себѣ челку, бросила въ разбѣянности спичку на подошъ своего лег-

кого пенюара, а пенюаръ всныхнулъ, и Сосновская дико закричала, сбрасывая, срывая его съ себя, — вообще такъ испугалась, что слегла въ постель, послала за докторомъ, а потомъ все твердила:

— Вотъ посмотрите, это къ большой бѣдѣ...

Милая, несчастная женщина! Эта исторія съ пенюаромъ и съ ея дѣтскимъ ужасомъ волнуетъ и трогаетъ меня необыкновенно. Этотъ пустякъ какъ то удивительно связываетъ и освѣщаетъ для меня все то отрывочное и противорѣчивое, что мы о ней всегда слышали и чего мы наслушались и въ обществѣ, и на судѣ со времени ея гибели, а главное, удивительно возбуждаетъ во мнѣ живое ощущение той подлинной Сосновской, которую почти никто не понималъ и не почувствовалъ по настоящему, — равно какъ и Елагина, — не взирая на весь интересъ, который къ ней всегда проявляли, на все желаніе понять, разгадать ее, на всѣ толки о ней, которымъ конца не было за послѣдній годъ.

Вообще еще разъ скажу: изумительно убожество человѣческихъ сужденій! Опять произошло то же самое, что всегда бываетъ, когда людямъ приходится разбираться въ какомъ-нибудь даже мало-мальски значительномъ событіи: обнаружилось, что люди глядятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ. Нужно же было, вопреки всякой очевидности, словно нарочно, исказить до такой степени и Елагина, и Сосновскую, и все, что было между ними! Всѣ какъ будто условились не говорить ничего, кромѣ пошлостей. Что-жъ, молъ, тутъ мудрить: онъ — гусарь, ревнивый и пьяный прожигатель жизни, она актриса, запутавшаяся въ своей безалаберной и безнравственной жизни...

— Отдѣльные кабинеты, вино, кокоетки, дебошъ, — говорили про него. — Бряцаніе сабли заглушало въ немъ всѣ высшія чувства...

Выснія чувства, вино! А что такое вино для такой натуры, какъ Елагинъ? «Чувствую иногда такую муку и вле-

ченіе ко всему хорошему, высокому, вообще, чортъ его знаетъ, къ чему, что грудь ломить... Хочу схватить какой-то неуловимый мотивъ, который какъ будто гдѣ-то слышалъ, но его все нѣтъ и нѣтъ...» А вотъ во хмелю-то дышется легче и шире, во хмелю неуловимый напѣвъ звучитъ явственнѣй, ближе. И что съ того, что и хмель, и музыка, и любовь въ концѣ концовъ обманчивы, только усугубляютъ это несказанное въ своей остротѣ и въ своемъ излишествѣ ощущеніе міра, жизни?

— Она не любила его, — говорили про нее. — Она только боялась его, — вѣдь онъ постоянно грозилъ ей, что убьетъ себя, то есть не только отяготитъ ея душу своей смертью, но и сдѣлаетъ ее героиней большого скандала. Есть свидѣтельства, что она испытывала къ нему «даже нѣкоторое отвращеніе». Она все-таки принадлежала ему? Но развѣ это мѣняетъ дѣло? Мало ли кому она принадлежала! Однако Елагинъ захотѣлъ превратить въ драму одну изъ тѣхъ многочисленныхъ любовныхъ комедій, которыя она любила играть...

И еще:

— Она ужаснулась той страшной, безмѣрной ревности, которую онъ началъ проявлять все болѣе и болѣе. Разъ, при немъ, былъ у нея въ гостяхъ артистъ Стракунъ. Онъ сидѣлъ сперва спокойно, только блѣднѣлъ отъ ревности. И вдругъ всталъ и быстро вышелъ въ сосѣднюю комнату. Она кинулась за нимъ вслѣдъ и, увидѣвъ въ его рукахъ револьверъ, унала передъ нимъ на колѣни, умоляя его сжалиться надъ собой и надъ ней. И такихъ сценъ разыгрывалось, вѣроятно, не мало. Не понятно ли послѣ этого, что она наконецъ рѣшилась избавиться отъ него, отправиться въ заграничную артистическую поѣздку, къ которой она была уже совсѣмъ готова наканунѣ своей смерти? Онъ принесъ ей ключъ отъ квартиры на Староградской, отъ квартиры, которую она очевидно выдумала лишь затѣмъ, чтобы имѣть предлогъ не принимать его у

себя до отъѣзда. Она этого ключа не взяла. Онъ сталъ ей навязывать его. Она заявила: теперь уже поздно, — то есть, теперь мнѣ не къ чему брать его, я уѣзжаю. Но онъ закатилъ ей такое письмо, что, получивъ его, она ночью поспкакала къ нему, внѣ себя отъ страха, что можетъ застать его уже мертвымъ...

Пусть все это такъ (хотя всѣ эти разсужденія совершенно противорѣчатъ исповѣди Елагина). Но почему же все таки Елагинъ такъ «страшно», «безмѣрно» ревновалъ и захотѣлъ превратить комедию въ драму? На что нужно было это ему? Отчего просто не застрѣлилъ онъ се въ одинъ изъ припадковъ ревности? Отчего «борьбы между убійцей и его жертвой не было»? И затѣмъ: «Она чувствовала къ нему порой даже нѣкоторое отвращеніе... Она при постороннихъ иногда издѣвалась надъ нимъ, давала ему обидныя прозвища, называла его, на примѣръ, кривоногимъ щенкомъ...» Но, Богъ мой, вѣдь въ этомъ вся Сосновская! Вѣдь еще въ ея львовскихъ замѣткахъ есть запись про отвращеніе къ кому-то: «Такъ онъ еще любитъ меня! А я? Что чувствую я къ нему? И любовь, и отвращеніе!» Она оскорбляла Елагина? Да, однажды, поссорившись съ нимъ, — у нихъ это бывало весьма часто, — она позвала горничную и, бросивъ свое обручальное кольцо на полъ, крикнула: «Возьми эту гадость себѣ!» Но что она сдѣлала передъ этимъ? Передъ этимъ она выбѣжала въ кухню и сказала:

— Я сейчасъ позову тебя, брошу вотъ это кольцо на полъ и скажу, чтобы ты взяла его себѣ. Но помни — это будетъ только комедія, ты должна нынче же возвратитъ мнѣ его, потому что этимъ кольцомъ я съ нимъ, съ этимъ дуракомъ, обручилась, и оно для меня дороже всего на свѣтѣ...

Ее совѣмъ недаромъ называли женщиной «легкаго поведенія» и недаромъ католическая церковь отказала ей въ христіанскомъ погребеніи, «какъ личности дурной и

распутной». Она всецѣло принадлежала къ тѣмъ женскимъ натурамъ, которыя даютъ и профессиональныхъ публичныхъ женщинъ, и свободныхъ служительницъ любви. Но что это за натуры? Это натуры съ рѣзко выраженнымъ и неутоленнымъ, неудовлетвореннымъ поломъ, который и не можетъ быть утоленъ. Вслѣдствіе чего? Но развѣ я знаю, вслѣдствіе чего? И замѣьте, что всегда происходитъ: мужчина того страшно сложнаго и глубоко интереснаго типа, который есть (въ той или иной мѣрѣ) типъ атавистическій, люди по существу своему обостренно чувственные не только по отношенію къ женщинѣ, но и вообще во всемъ своемъ міроощущеніи, всѣми силами своей души и тѣла тянутся всегда именно къ такимъ женщинамъ — и являются героями огромнаго количества любовныхъ драмъ и трагедій. Почему? Въ силу своего низкаго вкуса, въ силу своей развращенности или просто въ силу доступности такихъ женщинъ? Конечно, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Нѣтъ уже хотя бы потому, что вѣдь такіе мужчины очень хорошо и чувствуютъ, и видятъ, насколько всегда мучительна, порою истинно страшна и гибельна связь, близость съ такими женщинами. Они это чувствуютъ, видятъ, знаютъ, а все таки тянутся больше всего къ нимъ, именно къ такимъ женщинамъ, — неудержимо тянутся къ своей мукѣ и даже гибели. Почему?

— Конечно только комедію играла она, когда писала свои предсмертныя записочки, внушая себѣ, будто и впрямь настала ея послѣдній часъ. И ни чуть не убѣждаютъ въ противномъ никакіе ея дневники, — кстати сказать весьма банальные и наивные, — и никакія посѣщенія кладбищъ...

Наивность ея дневниковъ и театральность прогулокъ кладбища никто не отрицаетъ, ровно какъ и того, что она любила намекать на свое сходство съ Маріей Башкирцевой, съ Маріей Вечера. Но почему же все таки избрала она именно тотъ, а не другой родъ дневника и хотѣла быть

въ сродствѣ именно съ такими женщинами? Все было у нея: красота, молодость, слава, деньги, сотни поклонниковъ и всѣмъ этимъ она пользовалась со страстью и упоеніемъ. И однако жизнь ея была сплошнымъ томленіемъ, непрестанной жаждой уйти прочь отъ постылаго земного міра, гдѣ все всегда не то и не то. Въ силу чего? Въ силу того, что она все это наиграла себѣ. Но отчего же она наиграла именно это, а не что-либо другое? Оттого, что все это столь обычно среди женщинъ, посветившихъ себя, какъ онѣ выражаются, искусству? Но отчего-же это столь обычно? Отчего?

ХІІ.

Утромъ въ воскресные настольный колокольчикъ зазвенѣлъ изъ ея спальни въ восьмомъ часу: она проснулась и позвала горничную гораздо раньше обыкновеннаго. Горничная внесла поднось съ чашкой шоколаду и раздвинула занавѣски. Она сидѣла на постели и, по своему обыкновению, исподлобья, съ полуоткрытыми губками, задумчиво и разсѣянно, слѣдила за ней. Потомъ сказала:

— А знаешь, Тоня, я вчера заснула сразу же послѣ доктора. Ой, Матерь Божія, какъ я испугалась! А только онъ пріѣхалъ, мнѣ стало такъ хорошо и спокойно. Ночью проснулась, стала на колѣни на постели и цѣлый часъ молилась... Ты подумай, какова бы я была, если бы меня всю обожгло! Глаза бы лопнули, губы раздулись. На меня страшно было бы взглянуть... Все лицо закрыли бы ватой...

До шоколаду она долго не притрогивалась и все сидѣла, что-то думая. Потомъ выпила шоколадъ и принявъ ванну, въ купальномъ халатикѣ и съ распущенными волосами, написала за своимъ маленькимъ письменнымъ столикомъ нѣсколько писемъ на бумагѣ въ траурной рамкѣ: она уже давно заказала себѣ такую бумагу. Одѣвшись и

позавтракавъ, она уѣхала: была на дачѣ у матери, а вернулась только въ двѣнадцатомъ часу ночи съ актеромъ Стракуномъ, который «всегда былъ у нея свой человѣкъ».

— Они пріѣхали оба веселые, — рассказывала горничная. — Встрѣтивъ ихъ въ прихожей, я сейчасъ же отозвала ее и передала ей письмо и вещи, которыя въ ея отсутствіе прислалъ Елагинъ. Она шепнула мнѣ про вещи: «Спрячь скорѣе, чтобы не видалъ Стракунъ!» — потомъ послѣшно вскрыла письмо и сейчасъ же вся поблѣднѣла, растерялась и закричала, уже не обращая вниманіе на то, что Стракунъ сидѣлъ въ гостиной: «Ради Бога, бѣги однимъ духомъ за каретой!» — Я сбѣгала за каретой и застала ее уже на подъѣздѣ. Мы скакали во весь опоръ, и дорогой она все крестилась и повторяла: «Ой, Матерь Божія, только бы застать его въ живыхъ!»

Въ понедѣльникъ она съ утра уѣхала на рѣку, въ кунальни. Обѣдали у нея въ этотъ день Стракунъ и англичанка (которая вообще приходила къ ней почти каждый день давать уроки англійскаго языка и почти никогда ихъ не давала). Послѣ обѣда англичанка ушла, а Стракунъ оставался еще часа полтора: курилъ, лежа на диванѣ, положивъ голову на колѣни хозяйки, которая «была въ одномъ капотѣ и въ японскихъ туфелькахъ на босу ногу». Наконецъ Стракунъ ушелъ и она, прощаясь съ нимъ, просила его придти «нынче-же въ десять часовъ вечера».

— Не часто ли будетъ? — сказалъ Стракунъ, смѣясь и отыскивая въ прихожей палку.

— Ой, нѣтъ, пожалуйста! — сказала она. — А если меня не будетъ, ты ужь, Люся, не сердись...

А затѣмъ она долго жгла въ каминѣ какія-то письма и бумаги. Она напѣвала, шутила съ горничной:

— Все теперь сожгу, разъ сама не сгорѣла! А хорошо, кабы сгорѣла! Только ужь вся, до тла...

Потомъ сказала:

— Скажи Вандѣ, чтобы ужинъ былъ къ десяти вечера. А сейчасъ я уѣзжаю...

Она уѣхала въ шестомъ часу, захвативъ съ собой «что-то завернутое въ бумагу и похожее по формѣ на револьверъ».

Она поѣхала на Староградскую, но по дорогѣ вернула къ швеѣ Лещинской, которая поправляла, укорачивала ея пенюаръ, вспыхнувшей на ней въ субботу, и, по словамъ Лещинской, «была въ миломъ и веселомъ духѣ». Осмотрѣвъ пенюаръ и завернувъ его въ бумагу вмѣстѣ съ тѣмъ сверткомъ, который она взяла изъ дому, она еще долго сидѣла въ мастерской, среди дѣвушекъ мастерицъ, все говорила: «Ой, Матерь Божія, какъ я опоздала, пора мнѣ уходить, ангелочки!» — и все не уходила. Наконецъ рѣшительно поднялась и со вздохомъ, но весело сказала:

— Прощайте, пани Лещинская. Прощайте, сестрички, ангелочки, спасибо, что поболтали со мной. Мнѣ такъ было пріятно сидѣть въ вашемъ миломъ женскомъ кругу, а то все съ мужчинами да съ мужчинами!

И, еще разъ съ улыбкой покивавъ съ порога головой, вышла...

Зачѣмъ взяла она съ собой револьверъ? Револьверъ этотъ принадлежалъ Елагину, но она держала его у себя, боясь, что Елагинъ застрѣлится. «Теперь же она намѣревалась возвратить его собственнику, потому что черезъ нѣсколько дней надолго уѣзжала за границу» — сказалъ прокуроръ и добавилъ:

— Такъ отправилась она на роковое, но не завѣдомо роковое для нея свиданіе. Въ семь часовъ она была въ домѣ № 14 по Староградской, въ квартирѣ № 1 — и вотъ дверь этой квартиры затворилась, а вновь открылась только утромъ 19 іюня. Что тамъ происходило ночью? Объ этомъ рассказать намъ некому — кромѣ Елагина. Послушаемъ-же его еще разъ...

XIII.

И еще разъ, въ глубокомъ молчаніи, выслушали мы всѣ, вся многолюдная зала суда, тѣ страницы обвинительнаго акта, которыя прокуроръ счелъ нужнымъ возстановить въ нашей памяти и которыми кончался разсказъ Елагина:

— Въ понедѣльникъ 18 іюня я послалъ ей записку, что свободенъ съ двѣнадцати часовъ дня. Она отвѣтила: «Въ шесть, на Староградской».

— Въ шесть безъ четверти я былъ на мѣстѣ и привезъ съ собой закусокъ, двѣ бутылки шампанскаго, двѣ бутылки портеру, два стаканчика и флаконъ съ одеколономъ. Но ждать пришлось долго: она пріѣхала только въ семь...

— Войдя, она разсѣянно поцѣловала меня, прошла во вторую комнату и бросила свертокъ, который привезла съ собой, на диванъ. — «Выйди, — сказала она мнѣ по французски, — я хочу раздѣться». — Я вышелъ и опять долго сидѣлъ одинъ. Я былъ вполне трезвъ и страшно подавленъ, смутно чувствуя, что все кончено, кончается... Впрочемъ и обстановка была странная: я сидѣлъ при огнѣ, какъ ночью, а межъ тѣмъ я зналъ и чувствовалъ, что на дворѣ, за стѣнами этихъ глухихъ и темныхъ комнатъ, еще день, прекрасный лѣтній вечеръ... Она долго не звала меня, не знаю, что она дѣлала. За дверью было совершенно тихо. Наконецъ, она крикнула: «Иди, теперь можно...»

— Она лежала на диванѣ, въ одномъ пенюарѣ, съ голыми ногами, безъ чулокъ и безъ туфель, и молчала, исподлобья глядя въ потолокъ, на фонарь. Свертокъ, съ которымъ она пріѣхала, былъ развернутъ, и я увидалъ свой револьверъ. Я спросилъ: «А это ты зачѣмъ привезла?» Она отвѣтила не сразу: «Такъ... Вѣдь я уѣзжаю... Ты лучше держи его здѣсь, а не дома...» У меня мелькнула страшная мысль: «Нѣтъ, это не просто!» — но я ничего не сказалъ...

— И разговоръ, который начался между нами послѣ,

этого, шель довольно долго съ принужденіемъ, холодно. Я втайнѣ страшно волновался, — все хотѣлъ сообразить что-то, все ждалъ, что вотъ-вотъ я соберусь съ мыслями и скажу ей, наконецъ, что-то очень важное и рѣшительное, — вѣдь я понималъ, что это, можетъ быть, послѣднее наше свиданіе или во всякомъ случаѣ разлука надолго, — и все ничего не могъ, чувствовалъ свое полное безсиліе. Она сказала: «Кури, если хочешь...» — «Но вѣдь ты не любишь», — отвѣтилъ я. — «Нѣтъ, *теперь* все равно, сказала она. — И дай мнѣ шампанскаго...» Я такъ этому обрадовался, точно это было моимъ спасеніемъ. Мы въ нѣсколько минутъ выпили всю бутылку, я сѣлъ возлѣ нея и сталъ цѣловать ея руки, говоря, что я не переживу ся отъѣзда. Она ерошила мнѣ волосы и разсѣянно говорила: «Да, да... Какое несчастье, что я не могу быть твоей женой... Все и всё противъ насъ, только, можетъ, одинъ Богъ за насъ... Я люблю твою душу, люблю твою *фантазію*...» Что она хотѣла выразить этимъ послѣднимъ словомъ, я не знаю. Я посмотрѣлъ вверхъ, подъ зонтъ, и сказалъ: «Посмотри, мы тутъ съ тобой какъ въ склепѣ. И какъ тихо!» Въ отвѣтъ она только грустно улыбнулась...

— Часовъ въ десять она сказала, что ей хочется ѣсть. Мы перешли въ переднюю комнату. Но ѣла она мало, я тоже, — мы больше пили. Вдругъ она взглянула на закуски, привезенныя мною, и воскликнула: «Глупый, блязень, сколько опять купилъ! Въ слѣдующій разъ не смѣй больше этого дѣлать». — «Но когда-же будетъ теперь этотъ слѣдующій разъ?» — спросилъ я. Она странно посмотрѣла на меня, потомъ уронила голову и закатила глаза подъ лобъ. «Исусъ, Марія, прошептала она, что жъ намъ дѣлать? Ой, я хочу тебя безумно! Пойдемъ скорѣй».

— Черезъ нѣкоторое время я взглянулъ на часы: былъ уже второй часъ. «Ой, какъ поздно, — сказала она. — Надо сію же минуту ѣхать домой». Однако она даже не поднялась и прибавила: «Знаешь, я чувствую, что нужно уѣзжать какъ можно скорѣе, а не могу двинуться съ мѣ-

ста. Я чувствую, что не выйду отсюда. Ты мой рокъ, моя судьба, Божья воля...» И этого я не могъ понять. Вѣроятно, она хотѣла сказать что-то общее съ тѣмъ, что написала потомъ: «Умираю не по своей волѣ». Вы думаете, что она этой фразой выразила свою беззащитность передо мной. А по моему, она хотѣла сказать другое: что наша несчастная встрѣча съ ней — рокъ, Божья воля, что она умираетъ не по своей, а по Божьей волѣ. Впрочемъ я не придавалъ тогда особаго значенія ея словамъ, я давно привыкъ къ ея странностямъ. Потомъ она внезапно сказала: «Есть у тебя карандашъ?» Я опять былъ удивленъ: зачѣмъ ей карандашъ? Однако поспѣшилъ подать, — онъ былъ у меня въ записной книжечкѣ. Она попросила дать ей еще визитную карточку. Когда она стала что-то писать на ней, я сказалъ: «Но послушай, неудобно на моей визитной карточкѣ писать записки». — «Нѣтъ, это такъ, замѣтки для себя, отвѣтила она. — Оставь меня подумать и подремать». — И, положивъ исписанную карточку себѣ на грудь, закрыла глаза. Стало такъ тихо, что и я впалъ въ какое-то оцѣленіе...

— Такъ прошло, должно быть, не меньше получаса. Вдругъ она открыла глаза и холодно сказала: «Я забыла, — я пришла возвратить тебѣ твое кольцо. Ты самъ хотѣлъ вчера все кончить». И, приподнявшись, бросила кольцо на выступъ стѣны: — «Развѣ ты меня любишь? — почти крикнула она. — Не понимаю, какъ ты можешь спокойно предоставлять мнѣ продолжать жить! Я женщина, у меня нѣтъ рѣшимости. Я не боюсь смерти, -- боюсь страданій, но ты бы могъ однимъ выстрѣломъ покончить со мной, а потомъ съ собой». — И тутъ я еще больше, съ страшной ясностью цѣпая весь ужасъ, безысходность нашего положенія, и что оно должно наконецъ разрѣшиться чѣмъ-нибудь. Но убить ее -- нѣтъ, я чувствовалъ, что этого я не могу. Я чувствовалъ другое: настала рѣшительная минута для меня. Я взялъ револьверъ и взвелъ курокъ. «Какъ? Только себя? — воскликнула она, вскакивая. —

Нѣтъ, клянусь Иисусомъ, ни за что!» — И выхватила револьверъ у меня изъ рукъ...

— И опять настало это мучительное молчаніе. Я сидѣла, она лежала, не двигаясь. И вдругъ невнятно, про себя сказала что-то по польски и затѣмъ ко мнѣ: «Дай сюда мое кольцо». — Я подалъ. — «И свое!» — сказала она. Я поспѣшилъ исполнить и это. Она надѣла на палецъ свое, а мнѣ приказала надѣть мое и заговорила: «Я тебя всегда любила и сейчасъ люблю. Я тебя свела съ ума и замучила, но ужъ таковъ мой характеръ и такова наша судьба. Дай мнѣ мою юбку и принеси портера...» Я подалъ ей юбку и пошелъ за портеромъ, а когда вернулся, увидалъ, что возлѣ нея стоитъ скляночка съ опиумъ. — «Слушай, — сказала она твердо. — Теперь уже конецъ комедіямъ. Ты можешь жить безъ меня?» Я отвѣтилъ, что нѣтъ. — «Да, сказала она, я взяла всю твою душу, всѣ твои мысли. Ты не поколеблешься убить себя? А если такъ, возьми и меня съ собой. Мнѣ безъ тебя тоже не жить. И убивши меня, ты умрешь съ сознаниемъ, что я наконецъ уже вся твоя — и навѣки. А теперь слушай мою жизнь...» И она опять легла и, помолчавъ минуту и успокоившись, не спѣша стала мнѣ рассказывать всю свою жизнь съ самаго дѣтства... Я почти ничего не помню изъ этого разсказа...

XIV.

— Не помню и того, кто изъ насъ сталъ раньше писать... Я переломилъ карандашикъ пополамъ... Мы стали писать и писали все время молча. Я написалъ, кажется, прежде всего отцу... Вы спрашиваете, почему я упрекалъ его, что онъ «не хотѣлъ моего счастья», когда я даже и не пытался ни разу просить его согласія на мой бракъ съ ней? Не знаю... Вѣдь онъ все равно не согласился бы... Потому я писалъ однополчанамъ, прощался съ ними... Потому кому еще? Командиру полка, о томъ, чтобы меня

прилично похоронили. Вы говорите: значить, у меня была увѣренность, что я покончу съ собой? Конечно. Но какъ же все-таки я не сдѣлалъ этого? Не знаю...

— А она, помню, писала медленно, останавливаясь и обдумывая что-то; напишетъ слово и исподлобья глядитъ въ стѣну... Рвала записки она сама, а не я. Писала, рвала и бросила куда попало... Мнѣ кажется, что и въ могилѣ не будетъ такъ страшно, какъ когда мы въ этотъ поздній часъ, въ этой тишинѣ, подъ этимъ фонаремъ, писали всѣ эти ненужныя записки... Это была ея воля писать ихъ. Я вообще безпрекословно повиновался всему тому, что она приказывала мнѣ въ эту ночь, вплоть до самаго послѣдняго момента...

— Вдругъ она сказала: «Довольно. И ужъ если дѣлать, такъ скорѣе. Дай же мнѣ портеру, благослови Матерь Божія!» — Я налилъ стаканъ портеру, и она, приподнявшись, рѣшительно бросила въ него щепотку порошку. Выпивъ больше половины, она остальное велѣла допить мнѣ. Я выпилъ. Она же заметалась и, хватая меня за руки, стала просить: «А теперь убей, убей меня! Убей ради нашей любви!»

— Какъ именно я сдѣлалъ это? Я, кажется, обнялъ ее лѣвой рукой, — да, конечно, лѣвой, — и прильнулъ къ ея губамъ. Она говорила: «Прощай, прощай. Или нѣтъ: здравствуй, и теперь уже навсегда... Если не удалось здѣсь, то тамъ, наверху...» Я прижался къ ней и держалъ палецъ на спускѣ револьвера... Помню, я чувствовалъ, какъ держалось все мое тѣло... А потомъ какъ то самъ собой дернулся палецъ... Она успѣла сказать по польски: «Александръ, мой возлюбленный!».

— Въ которомъ часу это было? Думаю, что въ три. Что я дѣлалъ послѣ этого еще два часа? Но я съ часъ шелъ до Лихарева. А остальное время я сидѣлъ возлѣ нея, потому что зачѣмъ-то приводилъ все въ порядокъ...

— Почему я не застрѣлился самъ? Но я какъ-то забылъ объ этомъ. Когда я увидѣлъ ее мертвой, я забылъ

все въ мірѣ. Я сидѣлъ и только смотрѣлъ на нее. Потомъ, въ такомъ же дикомъ безсознаніи, сталъ прибирать ее и комнату... Я не могъ бы не сдержать слова, которое я далъ ей, что послѣ нея я убью себя, но мной овладѣло полное безразличіе... Такъ же безразлично отношусь я и теперь къ тому, что живу. Но я не могу примириться съ тѣмъ, что думаютъ, будто я палачъ. Нѣтъ, нѣтъ! Можетъ быть, я виноватъ передъ людскимъ закономъ, виноватъ передъ Богомъ, но не передъ ней!

XV.

Десятью годами каторги долженъ искупить Елагинъ свою вину передъ людскимъ закономъ.

А передъ Богомъ и передъ ней?

Божій судъ не вѣдомъ. А что сказала бы она, если бы-ло бы въ нашей власти поднять ее изъ гроба? И кто посмѣлъ бы тогда стать между ними?

Ив. Бунинъ.

11-IX 1925. Приморскія Альпы.